

MORGANE MONCOMBLE

VIENS,

ou

S' A I M E

МОРГАН МОНКОМБЛ

ДАВАЙ
любить
ДРУГ ДРУГА

**LIKE
BOOK**

Москва
2022

Моей маме

Пролог

Годом ранее ВИОЛЕТТА

Я красотка. Я красотка. Я кра...

— Ай!

Я бросаю утюжок на пол, освобождая обожженную руку, и подпрыгиваю, чтобы он не упал мне на ноги. Ну и дура же! Осторожно поднимаю его, держа обожженный палец во рту. Что я там говорила? А, точно, что я красотка, хотя зеркало мне этого не показывает.

В последний раз провожу утюжком по пряди светлых волос и не забываю сперва его выключить и лишь потом положить. Я только сюда переехала, и, пожалуй, стоит немножко подождать и пока не устраивать пожар. Я пропускаю волосы сквозь пальцы, чтобы придать им более естественный вид, и снова бросаю взгляд в зеркало.

В этот новогодний вечер «красотка» — это не совсем про меня, ну да и ладно. Переживем. Все лучше, чем то, как я выглядела в начале недели, когда жутко болела. Проклятый грипп!

Мажу губы прозрачным блеском, одновременно пытаюсь обуть туфли на каблуках. Я, как и всегда, опаздываю. А ведь, чтобы этого избежать, я специально начала собираться за два часа. Похоже, в моих силах совершить невозможное.

Мои зеленые шорты с пайетками валяются на диване, я хватаю их и надеваю, не зацепив колготки. Первая трудность

успешно преодолена! Отряхнув белую рубашку и натянув короткий черный блейзер, я окидываю взглядом квартиру.

— Я ничего не забыла?

Кажется, нет. Запихиваю телефон и ключи в клатч и хлопываю дверь. Вторая трудность — готово! В сумочке вибрирует телефон: это моя новая подруга Зои. Я отвечаю и одновременно нажимаю кнопку лифта.

— Алло!

— Привет, это я. Все хорошо?

— Все супер, а у тебя?

Лифт был на последнем этаже и теперь медленно спускается. Я проклиная его. Зои меня убьет: она ненавидит, когда кто-то опаздывает.

— Пожалуйста, не говори мне, что ты задерживаешься.

— Я? Вовсе нет, — вру я, нажимая на кнопку как безумная, будто это заставит лифт ехать быстрее.

— Уверена?

Кажется, она что-то подозревает. Мне даже страшно от того, что двери лифта откроются и внутри я увижу, как Зои показывает на меня пальцем и выносит приговор: «Лгунья!»

— Сказала же! Вы где?

— Рядом с баром «У Клэр».

— Ты меня не видишь? — спрашиваю я притворно-удивленно.

— Э... нет.

Знаю, она не верит мне. Я хоть и не особо сильна в математике, но все просчитала. Если потороплюсь, то смогу добраться минут за пятнадцать. Пешком. К счастью, я додумалась взять перцовый балончик: отец отказывался отпускать меня из департамента Юра́, пока я не куплю дюжину таких. Он никогда не доверял Парижу. Будто все извращенцы страны собрались в этом городе...

— Ты слепая, что ли? Я тебя вижу! Я даже машу тебе! — Лифт издает «динь», я закашливаюсь, скрывая это, и захожу

в кабину. — В общем, знаешь что? Не парься, я сейчас приду к тебе.

— Окей.

Я знаю, что Зои меня убьет. Пусть мы и знакомы лишь с сентября, я уже выяснила, что она крайне раскрепощенная девушка и не ходит вокруг да около. В нашу вторую встречу она показала мне свою грудь в туалете ЭСМОД — Высшей школы искусств и технологий моды — и спросила, не кажется ли мне, что она какого-то подозрительного размера. Мне даже пришлось потрогать ее. Дважды.

Я кладу трубку, и двери начинают закрываться, но вдруг чья-то сильная рука останавливает лифт и не дает ему закрыться. Внутрь заходит мужчина и, вежливо поздоровавшись, становится передо мной. Лифт едет медленно, и мне неловко из-за наступившей тишины. Может, завязать разговор? Я неплохой собеседник, во всяком случае до тех пор, пока отец не напоминает мне, что не стоит болтать о пингвинах (к этому мы еще вернемся). В конце концов, я ведь совсем недавно сюда переехала, и, наверное, было бы хорошо подружиться с соседями.

Но он стоит ко мне спиной, и потому я молчу. Он явно спешит ну или просто козел.

Неожиданная легкая тряска заставляет меня пошатнуться. Я хватаюсь за правую стенку, а мой сосед медленно разводит руки. Лифт содрогается и вдруг останавливается. Я не двигаюсь: боюсь, что-то задела. Знаю себя — это вполне возможно.

Я стою в оцепенении еще пару секунд, и информация успевает дойти до моего мозга. Мы остановились. Мы остановились! Как только я осознаю серьезность ситуации, мои глаза расширяются, и я нервно сглатываю. Дыши, Виолетта. Дыши! Сейчас не время и не место для панической атаки. Пока я в Париже, их ни разу не случилось, и я не собираюсь к ним возвращаться. Из всех сил пытаюсь контролировать свое дыхание, пока мужчина, ворча, нажимает на кнопку аварийного вызова.

— Что происходит?

В этом вся я — спросить, что происходит, когда ответ очевиден. Но мне нужно его услышать, мне нужно услышать голос — не свой, а чей-то еще. Мне нужно понимать, что я не одна.

«Не паникуй, Виолетта, не паникуй!»

— Мы застряли?

Теперь официально: я паникую. Черт! Я наблюдаю за тем, как он пытается открыть двери руками. Он силится, силится, у него получается — и вдруг он все бросает.

— Мы в полете между этажами, — бормочет он.

— О боже!

Я прижимаюсь к задней стенке кабины, положив руку на грудь, считаю свои вдохи, но быстро понимаю, что путаюсь в цифрах. В последней надежде я пытаюсь перехватить его взгляд. Мне хочется, чтобы мужчина успокоил меня, чтобы он сказал, что такое происходит постоянно и что обычно все очень быстро приходит в норму. Но он смотрит только в телефон — наверняка ищет решение.

— Не... не говорите мне, что... что мы так и останемся здесь...

— Успокойтесь, я пожарный, — говорит он, даже не поднимая на меня глаз.

— И как это должно меня успокоить? Пожарный вы или нет, но сейчас вы вместе со мной в этом проклятом лифте, поэтому я не понимаю, как эта информация должна помочь мне успокоиться!

Впервые с того момента, как он зашел в лифт, он смотрит на меня. Первое, о чем я думаю? «Бог существует». А иначе кто создал такой синий оттенок — невероятная смесь лазурного и лазуритового. Темно-синий, как летняя беззвездная ночь. Эти глаза... Я полюбила их с первого взгляда.

Они смотрят на меня терпеливо и серьезно. Как будто такая ситуация для него привычна. И все же я вижу в них проблеск скептицизма.

— Я советую вам успокоиться, потому что знаю, что поддаваться панике бессмысленно.

Но мое сердце не перестает колотиться. В горле ком, давят стены. Лифт слишком маленький. Мне жарко, мне чересчур жарко...

— У меня клаустрофобия... — объясняю я.

— Глубоко вдохните и выдохните через нос, раз десять.

Я подчиняюсь, глотая слезы безысходности. Ненавижу себя в таком состоянии. Подумать только, мне удавалось не плакать! Уж что-что, а оставаться спокойной в этой ситуации — точно не про меня. То, что сейчас происходит, — один из моих худших кошмаров.

— Думайте только о хорошем, это должно сработать. И не паникуйте, все будет хорошо.

— Легко сказать, мистер Успокойтесь-я-пожарный, — бормочу я.

Даже не поморщившись в ответ на мое саркастическое замечание, он подходит к задней стенке кабины, садится, прислонившись к ней, и вытягивает ноги. Я делаю то, что он сказал, и хожу кругами. Не знаю, как ему удастся оставаться спокойным в такой момент. Потом вспоминаю: он же пожарный. Ему известно и худшее.

Мне кажется, что мое сердце сейчас выпрыгнет из груди. Я стараюсь дышать носом, кружась по узкой кабине. Думай только о хорошем, Виолетта! Хо! Ро! Шем! О коте, который шарахается при виде огурца? О бабуле, которая читает рэп? О коллекции осень-зима от Валентино? Видимо, все это недостаточно хорошо. Очевидно, я только еще сильнее нервничаю. И нечаянно наступаю на ногу соседа.

— Ой, извините! — восклицаю я, когда он вскрикивает от боли.

— Ради всего святого, просто сядьте и замрите.

Мне не нравится, как он говорит со мной, пусть он и делает это очень тихо, будто боится кого-то разбудить. Но я став-

лю себя на его место: в новогодний вечер он застрял в лифте с какой-то чокнутой клаустрофобкой. Побунтовав пару секунд, я сажусь рядом с ним.

Он закрывает глаза и откидывает назад голову. Я пользуюсь случаем и краем глаза рассматриваю его. И это, как ни странно, меня успокаивает. Он неплох. Даже симпатичный. У этого пожарного волосы цвета кофе, короткие на висках и длиннее наверху, челюсть, которая сжимается и разжимается, как жабры у рыбы, и ослепляющие меня глаза.

Я хмурюсь, замечая странное пятно на его шее. Сначала мне кажется, что это родимое пятно, но потом я понимаю, что оно исчезает под курткой и доходит до самой его челюсти. Кожа там более розовая, более яркая. Раненая. Я перестаю смотреть, потому что это грубо, пусть он меня и не видит.

— Расскажите мне о худшей операции, в которой вы участвовали.

Я не раздумываю — просто говорю, потому что, слушая его, я не смогу думать о том, что нахожусь в настолько замкнутом пространстве, и буду меньше винить себя за то, что кинула Зою и остальных. Мой сосед услышал меня, я знаю это. Однако глаз он не открывает.

— Вы не хотите этого слышать.

— Откуда вы знаете? Я же сама прошу!

Я не свожу взгляда с его лица. Он, кажется, немного старше меня. Иначе и быть не может, он ведь уже пожарный. А мне почти девятнадцать.

— Раз так, то я не хочу рассказывать.

Хорошо. Будь по-твоему...

— Тогда о второй худшей.

Он открывает глаза и устало поворачивает голову в мою сторону.

— Вы никогда не сдаетесь?

— Типа того. Уж точно не с ворчунами вроде вас. Либо так, либо у меня начнется приступ паники. Выбирайте!

Видимо, он прочитал на моем лице мольбу. Я не показываю ему этого, но я боюсь. Боюсь приступа, потому что слишком хорошо знаю, что это такое. Это ад. Я не хочу верить, что сегодня вечером умру. Сегодня вечером я должна была отлично проводить время, выпить парочку коктейлей и чудесно начать 2015 год.

Он отводит взгляд в сторону и смотрит в точку перед собой. Я жду несколько секунд, и он начинает:

— Это было жилое здание в Париже, немного похожее на это.

Только сейчас, когда мое сердце уже бьется с нормальной скоростью, я замечаю, что у него красивый голос. Грубый, но не слишком — не так, будто он много курит. Скорее, как если бы одна из голосовых связок имела небольшой дефект.

— Когда мы прибыли на место, горело помещение. Внизу, на дороге, уже лежали люди, выпрыгнувшие из окон, — мои коллеги пытались им помочь. Все были в панике. Мы призывали их успокоиться и дождаться нашей помощи.

Мой взгляд прикован к его губам. Мне кажется, что та ситуация разворачивается прямо на моих глазах.

— Те, кто еще оставался в квартирах, кричали, умоляли нас спасти их, — продолжает он далеким голосом, будто потерявшимся в огне. — Некоторые даже говорили, что у них горят ноги.

Я машинально закрываю рот рукой. Он был прав: такое мне слышать совсем не хочется. Но чтобы не признавать свою слабость, я закусываю губу и позволяю ему продолжить рассказ.

— Одно из окон на четвертом этаже еще не охватил огонь. Семья оттуда ждала, когда мы придем за ними. Отец, жена и их дочь лет пятнадцати. Я колебался не больше трех секунд. Взял выдвижную лестницу, прошел во двор и поднялся по фасаду.

— На четвертый этаж?

— Да. Лестница была слишком маленькой, но я решил подниматься этаж за этажом. Когда я добрался до них, отец попросил меня забрать их дочь. Я сразу же понял, что времени осталось немного: огонь уже распространился по комнате. Было так жарко... Я велел девочке обхватить меня за шею, а родителям — спускаться друг за другом сразу после нас. Но лестница была слишком короткой. Я знал, что это займет слишком много времени.

Он сгибает ноги, упирается локтями в раздвинутые колени и не отрывает взгляда от своих ладоней. Кажется, будто он ищет ответ на какой-то вопрос, будто пытается понять, как он мог бы спасти их всех.

— Едва только мы с девочкой добрались до второго этажа, а мать — до третьего, пламя уничтожило четвертый. Отец понял, что не сможет спуститься.

Он замолкает. Я боюсь услышать продолжение. Шепотом я заставляю его закончить:

— Он сгорел?

— Нет. Он выпрыгнул, надеясь упасть на этаж ниже. Вот только упал он на дорогу, на глазах своей семьи.

Я зажмуриваюсь. Меня начинает тошнить. Я восхищаюсь людьми таких жутких профессий. С одной стороны, они, безусловно, спасают жизни. Но с другой — они постоянно сталкиваются со смертью. Я не смогла бы этого вынести.

— Мать и дочь выбрались?

— Да, — вздыхает он устало, потирая шею, — я вовремя спустил их и отвел в полевой госпиталь, а там их подключили к искусственной вентиляции.

— Это ужасно.

— Я предупреждал.

— Почему вы этим занимаетесь?

Он хмурится, не глядя на меня. С самого начала я осознавала, что он избегает зрительного контакта со мной. Но я не понимаю почему. Неужели все это время мое брэнное тело

находилось одной ногой в могиле? Тогда это не лучшая новость...

— Я люблю свою работу, мне нравится чувствовать себя полезным.

Что можно на это ответить? Кажется, я представляю, о чем он говорит. Я учусь в школе дизайна, поэтому понять его по-настоящему у меня вряд ли получится. Спасать жизни и шить лифчики — не вполне одно и то же. А вот мой отец, например, сотрудник полиции. Я всегда уважала его выбор, пусть даже это просто ужасно — жить и вечно задаваться вопросом: «А вернусь ли я сегодня домой?» Не знаю, смогла бы я это вынести.

— Что ж, в конечном счете я предпочла бы поговорить о чем-нибудь другом. О маленьких пандах там или о последней реабилитации Линдси Лохан...

Наступает долгая тишина. Ожидаемо стресс снова дает о себе знать. Сейчас, когда мы молчим, кабина вновь начинает казаться слишком маленькой. Никакого окошка, никакого сквозняка, нет даже воды... Господи, а если я захочу в туалет?! Заметка на будущее: всегда носить с собой бутылку.

Удивительно, но тишину нарушает он:

— Ты живешь здесь?

Мое слабое внутреннее «я» замечает, что он тыкает. Почему меня это радует?

— Да.

— Как давно?

— Три месяца. В прошлом году я жила в общежитии, но мне там не нравилось, поэтому на втором курсе я решила снимать квартиру.

— Одна?

— Что это за вопросы такие — в духе серийного маньяка?

Он поворачивается и окидывает меня странным взглядом, эмоцию которого мне не удастся распознать. Когда я нерв-